

и весну 150-го юбилейного репинского года сотрудники музея-усадьбы «Пенаты» жили как на вулкане. Трудно, надрывно шел ремонт здания, требовавший много сил, средств и нервов. И хотя уже с мая 1993 г. существовало правительственное постановление, по которому за реконструкцию репинского дома отвечала Российская Академия Художеств, как его юридическая владелица, а за благоустройство территории — мэрия Санкт-Петербурга, это не

шего Союза.

Здесь тепло вспоминают, например, недавних экскурсантов из Гарту, мчавшихся без остановок на автобусе из своей заграничной теперь Эстонии, чтобы поспеть до закрытия, и чуть ли не со слезами на глазах слушавших записанный на магнитофон рассказ о великом художнике на родном языке.

Помнят здесь и отдохавших в одном из санаториев маркшейдеров, подаривших вскладчину компьютер, и двух не очень-то богатых

сокими гостями не вполне почтительно, как с равными...

На этом музее — таком искреннем, неофициозном, лишенном «бронзового» налета — всегда ломался составленный заранее протокол. Потому что важные гости с удивлением обнаруживали, что здесь им интересно, что этот небольшой деревянный, странной архитектуры дом чем-то трогает их давно затвердевшие души и что отсюда не хочется уходить.

решение финского правительства на его захоронение на территории усадьбы, а не на ближайшем православном кладбище.

Однако веревочка, преграждающая вход в музей, в юбилейный день так и не была снята. Сотрудники «Пенатов», как люди воспитанные, сочли неуместным в столь торжественный день говорить о грустном — о том, что, несмотря на все усилия, музей так и не смог открыться. А это — прямая срыв правительственного постановления о праздновании дня рождения Репина.

Для осмотра готова только наружная коробка да обновленные мостики через ручьи и каналы. Что же до завершения внутренней отделки здания, являющегося памятником архитектуры, обеспечения его всем необходимым инженерным комплексом — освещением, отоплением, сигнализацией и, главное, благоустройство территории и восстановление павильонов и беседок — то здесь, как выразилась заведующая научным отделом музея Елена Владимировна Кириллина, «еще конь не валялся».

Требуется серьезной реставрации мемориальный материал, иссякли все тиражи открыток, книг и путеводителей по музею, подготовлены, но так и не изданы к юбилею из-за отсутствия средств первая в нашей искусствovedческой литературе «Летопись жизни и творчества» художника и полный каталог его картин.

Правда, осуществилась давняя мечта «пенатовцев»: вышел маленький буклет — меню репинского дома. Это раритет, дополненный текстами по-русски и по-английски, из которых можно узнать правила круглого стола, познакомиться с историей «Пенатов». Вскоре, говорят, появится и репинский значок.

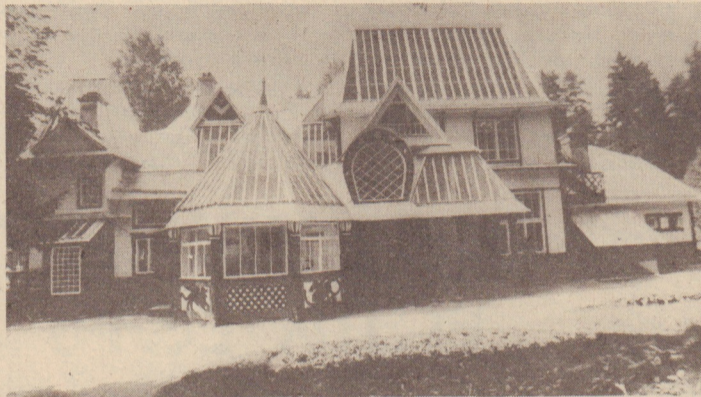
Но все это — лишь малая капля в сравнении с тем замыслом цивилизованного преобразования заповедного края, который уже многие годы вынашивают сотрудники «Пенатов». План предполагает создание разветвленной инфраструктуры культурного центра, где можно было бы познакомиться с малоизвестными страницами жизни и творчества не только Ильи Репина, но и многочисленных друзей его гостеприимного дома: Чуковского, Стасова, Горького, Маяковского, Шаяпина, Леонова, Андреева, Куприна, Есенина, Кустодиева, Малевича, Грабаря, Асафьева...

В их планах — создание выставочного зала и литературного музея, небольшой гостиницы и даже вегетарианской столовой в напиманье о культурных пристрастиях обитателей «Пенатов». У сотрудников музея есть необходимые для этого разработки, существует и круг единомышленников.

Нет одного, но, по нынешним временам, самого существенного, — средств для реализации этого великодушного и престижного во всех отношениях, в том числе и в коммерческом, замысла. Ведь если он будет осуществлен, то, естественно, притягательность курорта во все времена года многократно возрастет.

Н. ШМИТКО

ТРЕТЬЕ РОЖДЕНИЕ УСАДЬБЫ РЕПИНА

стало гарантией от всевозможных срывов.

То внезапно и резко прекращалось финансирование от Академии Художеств, и бригады реставраторов дважды покидали объект. То случалась авария отопительной системы, и кабинет художника превращался в пещеру со страшными ледовыми stalactитами. Бывало, что из-за низкого качества работ, выполненных фондом «Пенаты», районный архитектор ГИОП Ольга Калинина заставляла плотников переделывать топорно выполненное крыльцо. В довершение всего за зиму неотапливаемое здание так отсырело, что отделочники едва могли работать.

В апреле, когда, казалось, все ужасы зимы позади, случилось трагическое событие: во время осмотра новых стеклянных «фонарей» над мастерской художника погибла заместитель директора фонда «Пенаты», ведущего здесь строительные работы, Лариса Суреновна Шентапина. Жуткая, нелепая смерть человека, много сделавшего для увековечения памяти художника, для того, чтобы и новые поколения смогли побывать в гостях у Репина.

Необходимость ремонта диктовалась тем, что этот уникальный объект мог просто перестать существовать. Еще с середины семидесятых годов сотрудники «Пенатов» добивались основательного ремонта своего здания. Обветшали и прогнили деревянные балки, грозя рухнуть на головы посетителей; текла крыша, нанося непоправимый ущерб помещению, где находились уникальные экспонаты, оседавшая на стеклах «фонарей» копоть от котельной гасила солнечный свет, мешая смотреть живопись. Многолетнее латанье дыр затрудняло музейную работу, хотя поток посетителей был постоянен и огромен.

С 1962 года, когда на месте сгоревшего во время войны подлинного репинского дома по фотографиям и обмерам фундамента была воспроизведена его копия, и в ней вновь, после 1940 г., открылся мемориальный музей, здесь побывало более 5 миллионов человек. Сотрудники музея сделали магнитофонные записи экскурсии по дому более чем на двадцати языках — основных европейских и восточных, республик быв-

немцев, предлагавших организовать у себя на родине сбор средств для восстановления репинской усадьбы.

Даже нынешней зимой, когда вовсю шел ремонт, а экспозиция уже находилась в научно-исследовательском музее Академии Художеств в Петербурге, сюда приходили люди. Кто-то впервые, по курортной традиции посещать достопримечательности, но большинство по давней сердечной привязанности к этому музею. Некоторые делали небольшие пожертвования, которые тут же употреблялись на то, чтобы, например, заплатить за сваленное сухое дерево. Но основные работы в парке все равно приходилось выполнять самим, забывая, что они женщины, что у многих за плечами по 20-30 лет службы «Пенатам»...

Они всегда умели найти общий язык с посетителями. Как ни странно, с некоторыми соотечественниками это бывало сделать труднее, чем с иными иностранными гостями. Если повсюду в мире имя Репина — величина № 1, то у руководящих товарищей предыдущей эпохи существовала собственная иерархия авторитетов. Репин в нее не вписывался, но вызывал определенный интерес именно своей признанностью в мире.

Поэтому многие высокие делегации, посещая ленинские места в Разливе и Ильичеве, перед обедом в ресторане «Олень» непременно заезжали в «Пенаты». Дня за три до того парк наводняли «искусствоведы в штатском», прочесывающие буквально каждый кустик, а телефон ставился на прослушивание. Ретивые организаторы этих «культурных мероприятий» из числа первых секретарей райкома буквально ретировали музейных работников: то платье недостаточно партийно, но прическа слишком естественна, то обращение с вы-

Пенатовцы никогда не глотали аршин перед начальством, а старались доставить гостям интеллектуальное удовольствие, показать им что-то отличное от привычной жизни, пробудить человеческие чувства. И это непосредственное общение, лишенное подобострастия, часто вызывало благодарную ответную реакцию, зафиксированную, естественно, в книге почетных посетителей.

Конечно, основную массу посетителей репинского музея составляли и составляют люди совсем иного сорта. Для них встречи с мемориалом — постоянная и насущная душевная потребность. Например, сюда многие годы приезжала из города пожилая женщина, называвшая Репина великим, святым человеком. Она кротко клала на его могилу цветы или конфетку, с просветленным лицом молилась.

Особенно же много гостей бывает в день рождения 5 августа и в день его смерти 29 сентября. Начиная с 1991 года здесь служат молебны священники Зеленогорского и Тарховского храмов. Из Петербурга приезжают певчие — студенты регентского отделения Духовной академии и хор Духовной музыки Академии Художеств.

Нынче, в 150-й день рождения Репина, на его могиле впервые после 1930 г. был установлен православный дубовый крест. Службу отправлял настоятель Тарховской церкви о. Владимир, а пели солисты хора Смоленского собора.

Репин сам выбрал место для своего упокоения, он называл этот холм Голгофой из-за росших здесь семи пирамидальных можжевельников. Недавно музею были переданы документы из Финляндии, где приводится эта просьба художника к губернатору области Кюми, в которую входил весь Карельский перешеек, и раз-

Есть такая давнишняя курортная традиция: отдыхая в санатории или «дикарем», посещать местные достопримечательности.

Эта традиция существует и во вновь созданном Курортном районе, главной достопримечательностью которого является мемориальный музей великого художника Ильи Ефимовича Репина. В начале августа исполнилось 150 лет со дня его рождения, а последние три десятилетия жизни художника, до кончины в сентябре 1930 года, связаны с усадьбой «Пенаты». Сейчас этот памятник русской и мировой культуры переживает свое уже третье, и очень трудное, рождение. Трудное настолько, что так и осталась нереализованной идея руководства ЮНЕСКО объявить нынешний год годом Ильи Репина.

* * *

Он родился и до девятнадцати лет жил в украинском городке Чугуеве под Харьковом, учился и стал знаменит в Петербурге, пережиал светлый и трудный период творчества в белорусском имении Здравнево на Западной Двине, а умер в финском местечке Куоккала, нынешнем Репине.

Какой стране и какому веку принадлежит гений? Он принадлежит миру и покидает его только телесно, навечно оставаясь в его духовной памяти. А места, связанные с его кратким пребыванием на земле, становятся местами паломничества и поклонения.

Пушкин и Михайловское, Лермонтов и Тарханы, Толстой и Ясная Поляна, Репин и Пенаты — от каждой этой пары имен и названий идет мощный импульс, возвышающий душу. Это путеводные звезды, так необходимые нам в переломные периоды истории, когда так легко забыть, кто мы есть, откуда и зачем явились на свет. Мы можем их не замечать или делать вид, что они нам малоинтересны, — но этим мы только себя же и накажем. Звезды от нашего безразличия не погаснут, но без них темным и безрадостным будет наш путь.

Чтобы этого не случилось, и работают музейщики. Собирая и изучая наследие художника ли, писателя ли, они воссоздают его мир, ту реальную атмосферу, которая питала его творчество и которая, как знать, может быть, подарит новую замечательную личность. Но как же трудны и непредсказуемы эти поиски, сколько побочных обстоятельств, отнюдь не научных, возникает у людей, взявших на себя миссию посредника между гением и простыми смертными...

Всю зиму, а также осень